

Преподобный отец и старуха³⁹⁷

В провинции Пуату проживал один аббат, имени которого я не назову как из уважения к нему самому, так и к его репутации всеми почитаемого святого человека. Этот святоподобный отец, порастресся все статуты святой веры, от них сохранил лишь монашеское одеяние. К тому же он заботливо ублажал и питал свою особу (вкуче с остальными монахами), соблюдая пост разве что во время службы, и во весь опор несся от обедни к обеду, так что, следуя старинной пословице, не столько он молился, сколько стол у него от всевозможной снеди ломился. А после трапезы, дабы продлить удовольствие, услаждал он себя некоторое время музыкой, если сразу не впадал в спячку. Вакх и Церера,³⁹⁸ столь свободно доступ находившие к плоти нашего монаха, указали туда путь и Венере, и богиня, завладев сей откормленной плотью, так разожгла жирные монашьи внутренности, что, позабыв о холоде заутрень, преподобный поджаривался на сковородке похоти и стал уподобляться козлу, по лесам гоняющемуся за козами.

Подстрекаемый богинею красоты и грации, аббат возжаждал любви прекрасных дам, увлекаясь мирским больше, нежели это было разумно; и, забросив своих монахов, стал искать общества кавалеров и дам, живущих по соседству с аббатством, – он держал для них открытый и обильный дом, где не прекращались празднества и пиршества, и, сведя короткое знакомство с дамами, дабы удовлетворить сжигающее его желание, выбрал среди них одну – замужную, приветливую и пригожую, но, наметив ее себе в любовницы, оказывал ей, однако, весьма почтительный прием и так был хитер, что, глядя на эту благообразную образину, никому и невдомек было, на кого он точит зубы. Дама, которая была женщиной порядочной, хорошо воспитанной и нрава весьма кроткого, обращалась с ним, равно как и с другими, приветливо и радушно, в чем монах, распаленный под своею рясой, усмотрел уже свою победу. И еще до того, как обратиться к ней с предложениями, каковые влекут за собой либо согласие, либо отказ, он не забывал посещать ежедневно ее супруга, одалживать ему денег и оказывать множество других услуг под предлогом близости его земель к владениям аббатства. Так что сей дворянин, не подозревая, что всем этим обязан жене, весьма большую пользу извлекал из такого знакомства для своего дома и в недолгий срок уладил все давние свои распри с монастырем. Кончилось дело тем, что аббат, жаждущий поскорее отвесть плодов своих благодеяний, изъяснился перед дамою в своем вожделении к ней.

Благонравная дама, выслушав его околесицу (которую я не берусь здесь приводить, дабы мое повествование не слишком разило похотливым монахом), дала ему такой ответ, какого и следовало при ее благонравии ожидать. И поскольку сие признание ее разгневало и уязвило, то она, любя мужа и не желая его и себя бесчестить, наотрез отказалась посещать монастырь. Дворянин же, напротив, весьма был привязан к аббату, ничего не подозревал и, частенько получая приглашение прийти с женой, заставлял ее сопровождать себя, не желая ничем обидеть приятного соседа, от которого он видел столь много милостей.

Убедившись, что супруга сердит ее неповиновение, дама принуждена была объявить ему о любезном предложении преподобного отца, чем весьма супруга изумила, и он, смекнув наконец, чему обязан был монашескими милостями, сказал своей жене:

– Я вас прошу, моя милая, раз уж он так упрашивал вас прийти к нему, давайте посетим его один-единственный раз, и если он будет настолько глуп, что опять начнет строить вам куры, соглашайтесь смело на всё и просите «го погостить у нас с ночлегом, – а там уж мы поступим с ним так, как он того заслуживает.

Дама, уступив супругу, отправилась вместе с ним к аббату, а он, увидев ту, которая ему была в сто раз милее его требника, уж так стал любезен, что любезнее и быть нельзя. И после обеда (а это был как раз час, когда его сильнее всего одолевала похоть) он вновь начал свои авансы. И уж так подступился, что дама, наученная, как ей быть, сказала, что согласна удовлетворить его, но что единственное средство устроить дело – это принять приглашение ее мужа прийти сегодня ужинать к ним в дом. И поскольку ее муж ежедневно от зари до вечера уезжает в поле на охоту, она обеща-

³⁹⁷ Мотив подмены молодой девушки старухой встречается уже у писателей Древнего Рима, нередок он и в литературе Средневековья (например, мы находим его в самом старом французском фаблио «Ришё» и в ряде других фаблио)

³⁹⁸ Вакх и Церера – божества виноделия и жатвы у древних римлян.